

УДК 811.161.1'36

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Елена Юрьевна Муратова

к. филол. н., доцент кафедры общего и русского языкознания

Витебский государственный университет имени П.М.Машерова

210036, Республика Беларусь, Витебск, Московский пр., 33. mouratova@tut.by

В статье исследуется специфика грамматических категорий в поэтическом тексте в модуле лингвосинергетического подхода. Дается определение основных терминов синергетики. Выявляются различные случаи синкретизма частей речи. Доказывается, что наиболее активно в поэзии проявляется субстантивация прилагательных и причастий, реже фиксируется употребление глаголов, наречий, служебных частей речи в функции существительного. В поэтических текстах действие или состояние может выражаться через существительное как следствие его частеречной трансформации. В результате в поэтическом тексте возникают глубинные смыслы, создающие его синергетичность.

Ключевые слова: значение; смысл; синкретизм; синергетический процесс.

Будучи составной частью современного языкознания, исследование поэтического языка в своем развитии не может не отражать новых идей и подходов, которыми постоянно обогащается лингвистическая наука. Одним из нетривиальных взглядов на мир, на события и процессы в нем является синергетика. Синергетика – научное направление, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов самоорганизации в открытых нелинейных системах разной природы, упорядоченного поведения сложных нелинейных систем. Одна из задач синергетики – выяснение законов самоусложнения систем.

Традиционная наука в изучении мира делала акцент на замкнутых системах, обращая особое внимание на устойчивость, порядок, однородность. В классике пространство и время абсолютны, парадоксы и случайности отторгались как нечто мешающее познанию, как препятствие на его пути. Физики первыми отделили классические системы (линейные) от динамических (нелинейных). Синергетический подход акцентирует внимание именно на нелинейных открытых системах.

Синергетический подход к исследованию языка поэзии возможен в первую очередь потому, что поэтический язык представляет собой нелинейную, открытую, динамическую систему и как таковой подчиняется общим универсальным синергетическим законам. Потенциальные и асистемные элементы языка, широко представ-

ленные именно в поэзии, являются носителями нелинейности, инициируют в нем процессы синтеза и самоорганизации новых, глубинных смыслов слова. Они являются полем порождения переносной, возвратной по существу, семантики, потому что обращены к внутренним ресурсам языка. Эти элементы и должны стать прежде всего объектом синергетического анализа.

В теории синергетичности центральным понятием являются **параметры порядка** (order parameters), или **контрольные параметры** (control parameters). В любой системе их немного, но именно они подчиняют поведение остальных элементов системы. Например, в животном мире это четыре основных инстинкта: пищевое поведение, репродуктивное поведение, страх, агрессия. Параметрами порядка в языковой системе (и в системе поэтического языка в частности) являются следующие: нормативность грамматических категорий, системные (словарные) значения лексем, стандартность словообразовательных моделей, синтагматических связей и под. Если параметры порядка стабильны, то и система находится в стабильном состоянии. Если параметры порядка перестают управлять системой, то возможны два следствия: 1) система качественно не изменяется, адаптируется к изменениям; 2) происходит качественное изменение системы. В языке изменение параметров порядка – это изменение стандартных, нормативных языковых форм; стандартность «превращается» в

нестандартность, узуальность – в неuzuальность, нормативность – в ненормативность. Особенно активно такие изменения проявляются в поэзии.

К числу основных понятий синергетики относятся следующие: диссипативная структура (диссипативный процесс), аттрактор, бифуркация, фракталь.

1. **Диссипативная структура.** Свое понимание феномена самоорганизации И.Пригожин связывает с понятием диссипативной структуры – структуры, спонтанно возникающей в открытых неравновесных системах. В книге И.Пригожина и И.Стенгерс «Порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс 1986] процесс возникновения диссипативных структур объясняется следующим образом. Пока система находится в состоянии равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга, как бы в состоянии гипнотического сна. Но если эта система под воздействием окружающей среды переходит в неравновесное «возбужденное» состояние, ситуация меняется. Элементы такой системы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное взаимодействие, результатом которого и является диссипативная структура. Именно «совместное действие», или когерентное поведение элементов диссипативных структур и является тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации.

В поэтическом языке возникновение диссипативных структур, т.е. *когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл*, наблюдается регулярно. В первую очередь, это проявляется на уровне синтагматических связей лексем.

Например, смыслы сочетания *кровотечение звука* (Б.Ахмадулина) – «тоска, печаль, прерывание звука» – не возникают из изолированных словарных значений лексем *кровотечение* и *звук*. Пока система находится в состоянии равновесия, пока лексемы «ведут себя независимо» друг от друга, новые смыслы не возникают. Когда же лексемы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно, тогда в их сочетании появляется смысл *печали и тоски*: если звук кровоточит, то однозначно предполагается не-радость такого звучания. Течение реки радуется, любое кровотечение – нет. Нормальный человек на сознательном либо подсознательном уровне хочет кровотечение остановить, следовательно, возникает еще один смысл: желание *звук прервать*. В данном случае сочетание *кровотечение звука* представляет собой диссипативную структуру, поскольку в результате когерентного взаимодействия составляющих его лексем (т.е. в результате

диссипативного процесса) рождается, «самоорганизуется» новый смысл. «Толчком» возникновению диссипации, «внешним воздействием на систему» стало языковое творчество автора, базирующееся на его собственном бессознательном и на индивидуальной языковой картине мира, в связи с чем он именно так, а не иначе «строит» свое поэтическое произведение или его отдельные элементы.

2. **Аттрактор** – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания. Аттрактор выявляется в «переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания» [Арутюнова 1985: 8].

3. **Бифуркация** – «ветвление путей эволюции системы» [Михневич 2004: 40], а именно: возможности системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц, т.е. линейно упорядоченной цепочке слов могут быть приписаны разные смыслы.

4. **Фракталь.** Основой детерминации беспорядочности и разброса смыслов в языке являются фракталы, базирующиеся на более или менее общей смысловой однозначности восприятия людьми окружающего мира. Фракталы – границы объектов, имеющих свойства масштабной инвариантности: наблюдается постоянное изменение объектов, но обязательно в рамках определенной целостности данного феномена (в природе это, например, облака). В языке выявляются семантические фракталы – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта. Основная функция фракталей в языке – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности. Например, в строках А.Вознесенского *Нам, как аппендицит, поудалили стыд* словарные значения лексем *аппендицит*, *удалить*, *стыд* не создают фракталы «медицина, больница»; инвариантами здесь являются *стыд*, *совесть*, *нравственность*, которыми детерминируется смысл высказывания.

Для поэтических текстов характерна реализация синергетического потенциала основных грамматических категорий. Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [Цивьян 1979: 348–363].

Одним из ярких проявлений синергетичности грамматических категорий поэтического текста является синкретизм частей речи, т.е. когда в лексемах одновременно проявляются значения разных частей речи. Грамматическая неопределенность, благодаря которой в зонах бифуркации

развиваются диссипативные процессы, проявляются в поэзии по-разному.

Своеобразно использует глаголы в функции существительного А.Левин. Рассмотрим его стихотворение «Разные летали»:

*За окном моим летали / две веселые свистели.
/ Удалые **щебетали** / куст сирени тормошили.
/ А по крыше магазина / важно каркали гуляли
/ и большущие **вопили** / волочили взад-вперед.
/ Две **чирикали** лихие / грызли корочки сухие,
/ отнимали их у толстых / косолапых воркутов.
/ А к окошечку подсели / две **кричали-и-галдели** / и
стучали в батарею, / не снимая башмаков.*

Маркерами синергетичности в данном контексте являются все глаголы в функции существительного, их 6. Узуальные глаголы в данном тексте функционируют как имена существительные. Поэт использует узуальные глаголы как формы множественного числа не существующих в языке названий для не существующих в реальном мире живых существ. Причем сразу возникают образы птиц: сам контекст рождает такие ассоциации: *летали, куст сирени тормошили, грызли корочки сухие, к окошечку подсели*. Но главное то, что почти все глаголы, используемые в наименовании неизвестных живых существ, являются глаголами звучания: *свистели, щебетали, вопили, чирикали, кричали-и-галдели*, т.е. из-за словарного значения глаголов данные лексемы одновременно выражают и субъект действия, и в какой-то степени само звуковое действие, которое этот субъект производит. Превращение предиката в субъект устраняет специфически глагольные значения времени и вида, но при этом остается значение динамики, заложенное в глагольных основах, и возникает значение конкретности и одушевленности. Такое сложное соединение смысловых фракталей и грамматическая диффузия превращают эти лексемы в зоны бифуркации, в которых рождаются самые разные смыслы. Глубину этих смыслов усиливают словообразовательные ассоциации с существительными на *-аль* и *-алья*: поскольку *свистели, щебетали* и т.д. в данном контексте – формы мн. числа, то существует потенциальная промежуточная форма – *свистель(ля), щебетель(ля)* и др. Лексема *летали* используется поэтом двояко: в первой строке – это однозначно глагол *летать*: *За окном моим **летали** две веселые свистели*; в названии же («Разные летали») заложен двойной смысл: с одной стороны, *летали* может быть глаголом, а *разные* – субстантивированным прилагательным, но контекст стихотворения все-таки поворачивает аттрактор в сторону того, что *летали* – это существительное во множественном числе (все те, кто летает), т.е. всех *свистелей*,

щебеталей и т.д. поэт называет *летальями*. Сама возможность разной интерпретации частеречной принадлежности лексемы *летали* и, соответственно, разное понимание возникающих смыслов, представляет собой диссипативный процесс самоорганизации неоднозначных смыслов данного контекста. В итоге включение узуальных глаголов *свистели, щебетали, вопили, чирикали, кричали-и-галдели* в класс существительных превращает их в зоны бифуркации, в которых актуализируются многочисленные парадигматические связи и происходит рождение глубинных смыслов.

В современной поэзии использование наречий в функции существительного встречается довольно редко. Необходимо отметить, что подавляющее большинство наречий и предложноподлежащих сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Темпоральные наречия *всегда, сейчас, тогда, потом, однажды* и под. в функции существительного в поэтическом тексте становятся точками бифуркации. Семный состав слова изменяется, одни семы актуализируются и попадают из периферии фрактала в ее ядро, другие – наоборот, из ядра уходят на периферию. Подобные изменения не частотны, но характерны практически для всей исследуемой лирики: 1. *Рывок – и нет пустого «прежде», / Удар – преображенья миг...* 2. *Из **Всегда** в **Теперь** – / Полный звук уловить* (А.Лысов). 1. – *Отче, возьми **в назад**, / В жизнь свою, отче!* 2. *Помню... все прощанья у ворот. / **Все однажды**;* (М.Цветаева). *За все! За Дождь! За после! За **тогда!** / За чернокнижье двух зрачков чернейших...* (Б.Ахмадулина). *Летящей горою за мною **несется Вчера**, / А **Завтра** меня впереди ожидает, как бездна, / Иду... Но когда-нибудь в **Бездну** сорвется Гора. / Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна* (Н.Гумилев).

Проанализируем следующий пример из лирики А.Вознесенского: *Ребята – при часах. / девчата – при серьгах. / живите – **при сейчас**, / любите – **при Всегда**, / прически – на плечах, / щека у свитерка, / начните – **при сейчас**, / очнитесь – **при всегда**.*

В контексте выявляется 4 маркера синергетичности – наречия в функции существительного. Наречия *сейчас* и *всегда* указывают на взаиморасположение событий (состояний, отношений) во времени. В узуальном употреблении наречие *всегда* обозначает длительный (или даже вечный) процесс; наречие *сейчас* – некоторое точечное сиюминутное событие. В данном тексте между лексемами снимается оппозиция дли-

тельность / точечность: и *сейчас* и *всегда* передают длительность за счет предлога *при*. Смысла длительности и вечности *сейчас* в узуальном употреблении не имеет, он возникает за счет образования диссипативной структуры *при сейчас* и влияния на нее другой диссипативной структуры *при всегда*. Причем в таком представлении длительность (любви, настоящей жизни, переход от сиюминутности к настоящим отношениям) передается как нормальное состояние мира.

М.Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [Хайдеггер 1991: 37–47]. Выход из этого положения М.Хайдеггер находит в поэзии. В частности, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

Список литературы

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [вступ. ст.] // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е.В.Падучевой. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С.3–42.

Михневич А.Е. Значение → смысл: диссипативный процесс // Русский язык: система и функционирование: материалы Междунар. науч. конф., 18–19 мая 2004 г., Минск: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.С.Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2004. Ч. 1. С. 38–45.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов // Логос. 1991. №1. С.37–47.

Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А.Ахматовой) // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М.Николаева. М., 1979. С.348–363.

SYNERGETIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL CATEGORIES IN POETIC SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Elena Y. Mouratova

Reader of General and Russian Linguistics Department
Vitebsk State University named after P.M.Masherov

The article deals with the specificity of grammatical categories in the poetic text in the aspect of lingo-synergetic approach. The definitions of basic terms of synergy are given. Different cases of syncretism in the parts of speech are revealed. It is proved that in poetry substantivisation of the adjective and participle is quite spread, while the use of verbs, adverbs and connective words in the function of the noun is rare. In poetic texts an action or state can be expressed by the noun as a result of its part-of-speech transformation. Consequently, deep senses are formed in the poetic text making it synergetic.

Key words: meaning; sense; syncretism; synergetic process.